

RU

Особенности проповеди и катехизации женщин: опыт Русской духовной миссии в Пекине второй половины XIX – начала XX в.

Владимирова М. А.

Аннотация. Цель исследования – выявить восприятие миссионерами специфики миссионерской деятельности среди женщин в Русской духовной миссии в Китае. В статье рассматриваются особенности миссионерской деятельности среди женщин, отмечаемые миссионерами Русской духовной миссии в Пекине во второй половине XIX – начале XX века. Автором анализируется специфика менталитета населения Китая в отношении положения женщин и выделяются области труда миссионеров, в которых она отражалась на практике миссионерского служения (такие как проповедь, катехизация, совершение богослужений и таинств). Миссионерами высказывались мнения о необходимости разной степени участия женщин в деле христианского просвещения, косвенно затрагивался термин «диаконалиса», обозначавший конкретное специфическое служение, а также предполагаемую перспективу его воссоздания. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в историографии детально анализируется специфика проповеди и катехизации среди женщин в рамках деятельности Русской духовной миссии в Пекине во второй половине XIX – начале XX века. В ходе исследования был сделан вывод, что основным препятствием для миссионерской деятельности среди женщин являлись их обособленное положение и существовавший в культуре общения негласный запрет на контакты с мужчинами – не членами семьи. Статья отражает опыт Русской духовной миссии в Пекине второй половины XIX – начала XX в., который является примером существовавшей в миссиях Русской православной церкви потребности в непосредственном участии женщин в деле проповеди православной веры.

EN

Features of preaching and catechization for women: the experience of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing in the second half of the 19th – early 20th centuries

M. A. Vladimirova

Abstract. The research aims to explore the missionaries' perception of the specifics of missionary work among women in the Russian Ecclesiastical Mission in China. The article examines the features of missionary work among women, as noted by the missionaries of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing during the second half of the 19th and early 20th centuries. The author analyzes the specifics of the Chinese population's mentality regarding the status of women and identifies areas of missionary labor where this mentality influenced the practical aspects of missionary service (such as preaching, catechization, conducting worship, and administering sacraments). The missionaries expressed opinions on the varying degrees of women's involvement in Christian evangelization, indirectly touching upon the term "deaconess", which denoted a specific form of ministry, as well as the potential prospect of its revival. The scholarly novelty of the research lies in the fact that, for the first time in historiography, the work provides a detailed analysis of the specifics of preaching and catechization among women within the activities of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing during the second half of the 19th and early 20th centuries. The study concludes that the primary obstacle to missionary work among women was their secluded position in society and the unspoken cultural prohibition on interactions with men outside their families. The article reflects the experience of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing in the second half of the 19th and early 20th centuries, which serves as an example of the broader need within the missions of the Russian Orthodox Church for the direct involvement of women in the work of preaching the Orthodox faith.

Введение

Актуальность данного исследования заключается в его междисциплинарном характере: оно затрагивает вопросы истории Церкви, гендерных исследований и межкультурного взаимодействия. Данная работа вносит вклад в изучение проповеди христианства в Китае и истории женского служения в Церкви, анализируя его специфику в условиях миссионерской деятельности.

Старейшей зарубежной миссией Русской православной церкви, возникшей в 1700-х гг., считается Китайская, или Пекинская, духовная миссия. Как правило, исследователи разделяют дореволюционную историю миссии на два этапа. Основным направлением ее работы во время первого этапа определялась религиозная деятельность, в которую входило окормление находившейся в Китае русской паствы, а также проповедь среди албазинских казаков (Нестерова, 2000) и в дальнейшем их потомков, что обеспечивало миссионерам лояльное отношение со стороны китайских властей. Однако фактически миссия «подчинялась не Правительствующему Синоду, как можно было бы предположить, а Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел» (Феклова, 2016, с. 152), и каждый начальник миссии получал от министра иностранных дел секретную должностную инструкцию, в рамках которой его сотрудники должны были собирать и передавать в тайных донесениях сведения о политической и экономической жизни Китая, прикладывать усилия к улучшению межгосударственных связей, а также заниматься изучением языков и развитием отечественной синологии. Второй этап охватывал вторую половину XIX века (Анастасий, 2018, с. 123), «когда Россия уже имела официальное представительство в Пекине, а миссия занималась своей прямой задачей – христианской проповедью» (Ефимов, 2007, с. 249), – и после заключения ряда договоров были установлены официальные дипломатические отношения с Китаем (Феклова, 2016, с. 155), в Пекине было открыто русское посольство и стала возможной проповедь среди местного населения (Апостол Китая, 2018, с. 14). Миссия утратила дипломатическое значение и была передана из ведения Министерства иностранных дел в подчинение Святейшему Синоду, и, соответственно, дело проповеди вышло на первый план. К этому моменту проповедническая деятельность была достаточно развита благодаря трудам архим. Гурия, который «нес на себе собственно миссионерские обязанности: заведывание Албазинской школой и поддержание православия среди албазинцев, хотя проповедь среди язычников была воспрещена и департамент не вменил миссии в обязанность приобретение новых прозелитов из боязни политических осложнений» (Авраамий, 1916, с. 119), ввиду чего за время его управления миссией было крещено 200 человек, в том числе и язычников (Авраамий, 1916, с. 150). Русский дипломат И. Я. Коростовец давал следующую характеристику периоду руководства миссией архим. Гурием: его «управление... можно отметить как переходное время в жизни духовной миссии: миссионеры наши, внезапно выведенные силою обстоятельств из своей многолетней спячки, сделались невольными свидетелями и даже участниками интересных и значительных событий» (1893, с. 74). Позже он развил эту мысль в книге «Китайцы и их цивилизация»: «Благим результатом обращения миссии в чисто духовное учреждение было то, что нестерпяемые и незанятые соображениями политического характера православные миссионеры получили возможность посвятить себя всецело своей специальности» (Коростовец, 1896, с. 406). Таким образом, с периода управления Русской духовной миссии в Пекине архим. Гурием Карповым (1856-1864) началась активизация проповеднической деятельности русских миссионеров среди китайцев.

Среди разнообразных аспектов в деле непосредственной проповеди китайцам, начавшейся в указанный период, привлекает внимание проблема миссионерской деятельности среди женской части населения и, в частности, то, как сами миссионеры оценивали особенности проповеди среди женщин и их катехизации. Ввиду этого выделяются следующие задачи исследования:

1. Выявить особенности культурного менталитета населения Китая в отношении положения женщин.
2. Определить степень влияния культурных особенностей на практическую реализацию миссионерского служения.
3. Представить мнения миссионеров о необходимости участия женщин в деле христианского просвещения.
4. Охарактеризовать опыт Русской духовной миссии в Китае по привлечению женщин к катехизации.

В исследовании применяется комплекс методов, направленных на изучение различных аспектов миссионерской деятельности. Среди общенаучных методов используются: 1) анализ, необходимый для выявления ключевых элементов миссионерской практики; 2) синтез, направленный на обобщение разрозненных данных в единую картину миссионерской стратегии; 3) обобщение данных о специфике женского служения в миссии. Среди специальных исторических методов можно выделить: 1) причинно-следственный анализ, устанавливающий связь между культурными нормами Китая и методами проповеди; 2) историко-сравнительный метод, направленный на сравнение практик Пекинской миссии с другими православными миссиями (например, Японской), а также на сравнение подходов разных миссионеров к работе с женщинами; 3) проблемно-хронологический метод, используемый для рассмотрения изменения характера изучаемой проблемы в разные этапы развития миссии. Комплексный подход позволил рассмотреть вопрос с учетом принципов научной объективности и историзма.

Ввиду поставленной проблемы, теоретическая база данной статьи вписывается в две обширных области историографии: служение женщин в Церкви и деятельность Русской духовной миссии в Китае.

В блоке историографии, посвященном женскому служению в Церкви, особо стоит упомянуть обобщающий труд А. Г. Кравецкого (2012) «Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом)», который рассматривает широкий спектр тем, связанных с миссионерской деятельностью. Автор обращается и к обсуждению вопроса участия женщин в миссионерской деятельности Русской православной церкви (Кравецкий, 2012, с. 24, 95, 97-99, 101, 154, 166, 171, 192, 196-197, 349-350, 370). Расширение женского участия в деятельности Русской православной церкви в XIX в. шло параллельно с развитием социального служения, поэтому оно рассматривалось в историографии в контексте попыток восстановления чина диаконисс, миссии, благотворительности, монашества, образования в XIX веке. Крупной работой, обобщающей участие женщин в деятельности Русской православной церкви, можно назвать совместное исследование Е. В. Беляковой, Н. А. Беляковой и Е. Б. Емченко (2011) «Женщина в православии. Церковное право и российская практика», посвященное положению женщин в церковном праве. Кроме того, в книге Е. В. Беляковой (2004) «Церковный суд и проблемы церковной жизни» в главе «Женщины в Церкви» отмечается возникшая во второй половине XIX – начале XX в. необходимость новых церковных форм участия женщин в просветительской деятельности Русской православной церкви (Белякова, 2004, с. 9-10). Однако, несмотря на большое количество появившихся в последнее десятилетие работ, тема женского служения в зарубежных миссиях Русской православной церкви в историографии практически не затрагивается.

Деятельность Русской духовной миссии в Китае, напротив, рассмотрена достаточно полно. К ее опыту обращаются как в обзорных работах по истории миссионерской деятельности Церкви (Анастасий, 2018, с. 114-139; Ефимов, 2007, с. 241-272), так и в исследованиях, затрагивающих опыт восточных миссий Русской православной церкви. Среди исследователей, рассматривающих непосредственно миссию в Китае, можно отметить свящ. Дионисия Поздняева (1998), В. Г. Дацышена (2010; 2007b), А. С. Ипатову (1997), Н. А. Самойлову (1993), В. Е. Логинову (2016). Однако вопрос специфики проповеди православия среди китайцев и участие в ней женщин в исследованиях специально не рассматривался – отдельные упоминания встречаются в работах, посвященных проповеди среди албазинцев (Нестерова, 2000), восстанию ихэтуаней (Афоница, 2021), проповеди в отдельных провинциях Китая (Литвин, 2023), просветительской деятельности миссионеров (Кучерский, 2014), развития миссии в период ее управления конкретными начальниками (Хохлов, 2015; Курбатов, 2009; Курлыкин, 2016; Дацышен, 2007a) и т. п. В такого рода исследованиях хотя и делаются определенные выводы относительно форм участия женщин в миссионерской деятельности в Китае, но эти явления не рассматриваются в контексте истории женского служения в Церкви.

К неопубликованным материалам данного исследования относится переписка директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел Ивана Алексеевича Зиновьева и чрезвычайного посланника и полномочного министра в Китае Алексея Михайловича Кумани, хранящаяся в Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ (АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 37. Духовная миссия в Сеуле. Ч. I. Л. 19-20).

К опубликованным в периодических изданиях источникам относятся новостные сообщения, записки, публицистические статьи миссионеров, их переводы зарубежных статей, освещающих миссионерскую деятельность, в изданиях Китайской духовной миссии «Известия Братства Православной Церкви в Китае» и «Китайский благовестник»:

- А. Х. Поездка в Юнпинфу, Лувэйшань и Пэйтэйхо (продол.) // Китайский Благовестник. 1914. № 17/18.
- Власов Ф. Корреспонденция (из Вэй-хуй-фу) // Китайский благовестник. 1909. Вып. 3-4.
- Десять лет в Маньчжурии. Записки шотландского миссионера д-ра Кристи / пер. с англ. Ю. В. // Китайский Благовестник. 1908. № 29-30.

- Диакониссы в канонической Церкви // Известия Братства Православной Церкви в Китае. 1905. Вып. 19-20.
- Китай в 1911-1913 году // Китайский Благовестник. 1914. № 17/18.
- Отчет о состоянии Пекинской Духовной Миссии за 1913 год // Китайский Благовестник. 1914. № 1/2.
- Похвала убиенным // Известия Братства Православной Церкви в Китае. Харбин: 1905. Вып. 8.

А также в периодическом издании Православного миссионерского общества «Православный благовестник»:

- Е. Е. Китай и деятельность в нем католических миссионеров // Православный благовестник. 1899. № 19. Кн. 1.

- Из записок китайского миссионера. Деятельность Православной миссии в провинциях Китая Хэ-нань и Хубэй (апрель-май 1911 года) // Православный благовестник. 1911а. № 14. Кн. 2.

- Из записок китайского миссионера. Деятельность Православной миссии в провинциях Китая Хэ-нань и Хубэй (апрель-май 1911 года) // Православный благовестник. 1911b. № 15. Кн. 1.

- Из записок китайского миссионера. Деятельность Православной миссии в провинциях Китая Хэ-нань и Хубэй (апрель-май 1911 года) // Православный благовестник. 1911c. № 16. Кн. 2.

- Несколько слов о маньчжурской миссии // Православный благовестник. 1896. № 5. Кн. 1.

Кроме того, в работе используются опубликованные источники личного происхождения (записки о миссионерских поездках и письма):

- Апостол Китая. Симферополь: Родное слово, 2018.
- Исаия (Поликин), иеромон. Из Дневника албазинского священника (в Пекине). 1860 год // Святитель Гурий (Карпов), архиепископ Таврический: сборник статей, документов и архивных материалов. Симферополь: Н. Орианда, 2015.
- Письмо иеромонаха Гурия, скончавшегося архиепископом Таврическим, к Саратовскому епископу Иакову, скончавшемуся в С.-Петербурге архиепископом Нижегородским // Святитель Гурий (Карпов), архиепископ Таврический: сборник статей, документов и архивных материалов. Симферополь: Н. Орианда, 2015.

- Хрисанф (Щетковский), еп. Из Сеула до Владивостока. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012.

Дополнительно в работе приводятся исследования по истории Китайской духовной миссии, составленные на основании имеющихся у авторов современных им источников по истории миссии:

- Авраамий (Часовников), архим. Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году двухсотлетнего юбилея ее существования. Пекин: Типография Успенского монастыря, 1916.
- Архангелов С. А., прот. Наши заграничные миссии: очерк о русских духовных миссиях. СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1899.

Помимо того, используются обзорные работы русского посланника в Китае Ивана Яковлевича Коростовца, написанные на основании его личного опыта соприкосновения с Китаем и Русской духовной миссией в Китае:

- Коростовец И. Я. Китайцы и их цивилизация: с приложением карты Китая, Японии и Кореи. СПб.: М. М. Ледерле, 1896.
- Коростовец И. Я. Русская духовная миссия в Пекине // Русский архив. 1893. № 9.

Практическая значимость статьи заключается в возможном использовании полученных выводов, характеризующих особенности проповеди и катехизации женщин в миссионерской деятельности в Китае, в дальнейших исследованиях по темам служения женщин в Церкви, деятельности Русской Духовной Миссии в Китае и истории миссии в целом.

Обсуждение и результаты

Факт необходимости участия женщин в деле миссии можно наглядно проследить по письмам, запискам и отчетам, составленным сотрудниками Пекинской духовной миссии. Нужно отметить, что ввиду трудностей, типичных для духовных миссий в целом, и специфики, касающейся Китайской миссии, сами миссионеры зачастую не считали свою проповедь среди китайцев, а тем более китайнок, успешной. Так, маньчжурский миссионер иеромонах Стефан, в 1895 г. описывая случай крещения в Благовещенске китайки «по имени А-ла ту», указывает, что «это редкостный случай и чуть ли не первый в жизни китайской и маньчжурской миссии! Китайцев крещенных сравнительно много, – но никто не запомнит, чтобы крестилась хоть одна китайка» (Несколько слов..., 1896, с. 236). Принятие крещения могло вести к разрыву существовавших социальных связей, давлению и преследованию от соплеменников (причем это касалось как миссий Русской православной церкви за рубежом, так и среди инородцев Российской империи) (Владимирова, 2024b), вероятности того, что новокрещённый может остаться без средств к существованию или жилья (так, упомянутая китайка после совершения таинства крещения жила у своего крестного).

В отношении женщин проблема усложнялась существовавшими в стране культурными нормами. Так, автор труда «Наши заграничные духовные миссии» С. А. Архангелов указывает: «Положение китайской женщины в семье крайне тяжело и безотраднo. В крестьянской среде и вообще в низших слоях общества девушка является чем-то вроде вьючного животного, рабочей, – “ятоу”. По китайским обычаям она осуждена на замкнутую жизнь; узкие домашние интересы и сплетни, черные работы по хозяйству, нянченье младших братьев и сестер, редкое посещение лишь самых близких знакомых, – такова жизненная сфера китайки» (1899, с. 11). Существовала специфика во взаимоотношениях мужчин и женщин, перераставшая в проблему, с которой так или иначе сталкивались все миссии христианских конфессий в деле проповеди и совершения таинств. Например, в статье «Китай и деятельность в нем католических миссионеров» приводилась такая характеристика ситуации: «Женщины очень скромны, довольствуются обществом лишь женским, с мужчинами заговаривают редко, так как в Китае строго преследуется какая-либо фамильярность между мужчинами и женщинами» (Е. Е., 1899, с. 127). В связи с ограниченным участием китайнок в общественной жизни миссионеры отмечали меньшую развращенность женщин, чем мужчин: «Женщины – вообще говоря – лучше мужчин; может быть, потому, что они китайки, что им негде было видеть благородного разврата сердца, изучить его так тонко и в такой обширности, как это изучили мужчины» (Письмо иеромонаха Гурия..., 2015, с. 311), – однако это не оказывало влияния на разницу в их уровне религиозности, энтузиазма в отношении знакомства с основами вероучения и степени вовлеченности в духовную жизнь по сравнению с мужской частью населения Китая.

Безусловно, с середины XIX в. ко второму десятилетию XX в. в китайском обществе происходили изменения, в том числе и социальные. Менялось и положение женщины, расширялись рамки имевшихся у нее прав, увеличивалась степень ее участия в общественной жизни (особо отмечалось стремление к образованию) (Китай в 1911-1913 году, 1914, с. 20), что порой называли «одной из важнейших перемен в социальной жизни Китая» (Китай в 1911-1913 году, 1914, с. 19), связанной с западным влиянием. Однако проблема существующих культурных норм, ограничивающих миссионеров, сохранялась на протяжении всего рассматриваемого периода. Например, в 1914 г. посещение начальником миссии еп. Иннокентием (Фигуровским) одного из селений описывалось так: «Вокруг собрался народ, старики, дети, юноши; ни женщин, ни девочек не было: это было бы по китайским понятиям неприлично; женщины смотрели лишь с крылец домов» (А. Х., 1914, с. 26-27).

В связи с этим, очевидно, что проблемы возникали и при совершении таинства крещения. А. Б. Ефимов подчеркивает: «От многих национальных привычек китайцам было трудно отказаться» (2007, с. 256). В источниках миссионерами отмечались способы, благодаря которым они справлялись с возникавшими трудностями. В записках о миссионерской деятельности в провинциях Китая Хэнань и Хубэй в апреле-мае 1911 г.

архимандрит Симон (Виноградов) указывает, что при крещении устанавливалась специальная занавеска над купелью (Из записок китайского миссионера..., 1911b, с. 117-118), и дает достаточно подробное описание одного из совершенных им таинств: «Я опасался, что выйдет затруднение при крещении женщин, так как они плохо подготовлены, но они удивили меня послушанием своим мужьям. Купель была поставлена за перегородкой, отделяющей молитвенную комнату от задних сеней, и покрыта была занавеской. Когда крещаемая сходилась в купель, я подходил и возлагал руку на ее голову, потом опять выходил в молитвенную комнату» (Из записок китайского миссионера..., 1911c, с. 150). Причем порой женщинам перед совершением таинства приходилось особо объяснять, «что купель устраивается за ширмами, что там никого кроме женщин не бывает, а священник читает молитвы в самой церкви посредине» (Власов, 1909, с. 29). Впрочем, если перегородка могла решить вопрос с совершением крещения, то миропомазание, при котором священник в числе прочего должен помазывать обнаженные голени, продолжало вызывать сильные затруднения (Власов, 1909, с. 28), поскольку этого китайские женщины категорически допустить не могли. Как отмечал шотландский миссионер доктор Кристи, которого при визитах к пациенткам сопровождала жена: «Китайки ничего так не стыдятся, как показать непокрытой свою ногу, даже лицам своего пола, не только мужчинам» (Десять лет в Маньчжурии..., 1908, с. 11-12). Интересно наблюдение, что сами китайские женщины высказывались в разговоре с миссионером о своем огорчении в связи с отсутствием у православных «женщин-священников», которые могли бы совершать таинства крещения и миропомазания, так как это повлияло бы на решимость многих из них принять православие. «Когда я сказал, что не может быть священником женщина, они очень сожалели об этом» (Власов, 1909, с. 29), – писал после поездки в г. Кайфынгу архим. Симон.

Интересно, что в ситуациях, когда супруг не возражал и, более того, разделял желание жены принять таинство крещения, эти препятствия продолжали оставаться значимыми. Например, известен пример китайца, катехизированного и крещеного при миссии с именем Даниил, который, повзрослев и вернувшись в родную деревню, создал семью. Однако из его детей крещены были только мальчики: «Жена же его и прочие дети оставались в язычестве» (Архангелов, 1899, с. 31), – такая же ситуация сложилась и с его внуками. Когда к Даниилу обратился начальник миссии архимандрит Гурий (Карпов) с призывом принять христианство всем некрещеным в его семье на территории миссионерского подворья, был получен ответ, «что желают все, но женская половина по местным обычаям прибыть в подворье не может» (Архангелов, 1899, с. 31). Чтобы разрешить эту ситуацию, осенью 1861 г. к семье Даниила направился помощник начальника миссии иеромонах Исаия (Поликин), в результате поездки которого было крещено 30 человек.

Особенно важными для миссионеров были катехизация, крещение и научение христианской жизни девушек, готовящихся к последующему вступлению в брак с албазинцами и китайцами – христианами, – что было вполне обычным ввиду большого количества среди православных китайцев холостых мужчин, чем женщин, не находящихся друг с другом в физическом или духовном родстве (Исаия, 2015, с. 381). Такая невеста, согласно «обычаю страны, весьма строго соблюдаемому, не могла видеть никого из родных своего будущего мужа до самого последнего дня, в который она должна была выйти из дома отеческого в дом жениха. А потому не было никакой возможности обучить ее истинам св. веры» (Исаия, 2015, с. 381). В одном из подобных случаев иеромон. Исаия (Поликин) (2015, с. 381) вменил в обязанность матери жениха и крестной матери обучить основам православной веры новокрещёную невесту. Такие ситуации подчеркивали для миссионеров необходимость женщины, которая бы состояла сотрудницей миссии: «Наставление в вере весьма хорошо могла бы исполнить нарочито для сего назначенная женщина из христианок, при почтенных годах и доброй жизни, основательно знающая христианское учение» (Исаия, 2015, с. 381). Однако, судя по всему, среди китайских кандидатур, соответствовавших указанным требованиям, не находилось, в свете чего миссионеры занимались специальной подготовкой помощниц из албазинки и обращенных китайки (Исаия, 2015, с. 381). Причем речь могла идти о разном уровне подготовки женщин, зависевшем от того, участвовали ли они в катехизации или помогали при совершении крещения.

Затруднительным могло оказаться и совершение литургии и таинства евхаристии. Такой пример из своей миссионерской практики приводил архимандрит Симон (Виноградов): «С новокрещеной женщиной было много хлопот, – она не соглашалась стоять во время службы в одной комнате с мужчинами (пришлось поставить ее вне у открытых дверей), а потом решительно отказалась выступить вперед для принятия Св. Таин, так что пришлось причастить ее после, когда все вышли из помещения» (Из записок китайского миссионера..., 1911a, с. 65). В связи со всем вышеперечисленным миссионеры могли определять факт приезда не только мужчин, но и женщин в миссию для участия в церковных таинствах как «сверх всякого чаяния» (Авраамий, 1916, с. 146).

Хотя в источниках не встречается упоминаний о сотрудницах миссии, в обязанность которых входила бы непосредственно проповедь или катехизация женщин, кроме указанного сообщения иеромонаха Исаии о подготовке специальных помощниц, однако логично предположить, что значительную помощь в деле просвещения китайки в данном ключе оказывали женщины – члены семей миссионеров в существующих в миссии учреждениях, помогая отцу или супругу-миссионеру в деле проповеди. Наглядным примером является семья первого священника-китайки Митрофана Цзи. В текстах, посвященных мученическому подвигу китайки, погибших во время восстания ихэтуаней (1899-1901), таких как «Похвала убиенным», опубликованном в 8-м выпуске «Известий Братства Православной Церкви в Китае» от 1 июля 1905 г., можно найти следующие строки о супруге священника Митрофана Татиане (в девичестве Ли): «Просвещала светом Евангелия китайских жен, готовя их ко святой купели» (Похвала убиенным, 1905, с. 5). В тексте она даже названа

«диакониссой церкви» (Похвала убиенным, 1905, с. 5). Безусловно, она не была диакониссой в прямом значении этого слова, однако выполняла миссионерское служение, сходное с тем, какое вкладывали в это понятие архим. Макарий (Глухарёв) (Постернак, 2021) или архиеп. Николай (Касаткин) (Владимирова, 2021; 2024а).

Женщины наравне с мужчинами считались в Китайской миссии «полезными насадителями Божией нивы»: Витт, Матвей, Никифор, Кирилл, Васса, Елена – известны как сотрудники церковного клира, споспешники проповеди» (Похвала убиенным, 1905, с. 6), то есть, по всей видимости, выполняли катехизаторское служение. В отчете о деятельности миссии, опубликованном в «Китайском благовестнике», указано, что на 1909 г. катехизатор Марк Вань проповедовал в двух селениях – родном Сянь-янь-чжэне и в Хаймыне, – в то время как проповедью между женщинами занималась его жена (Авраамий, 1916, с. 8). Подобный пример представляла собой и семья сына первого китайского священника, священномученика Митрофана Ян Цзи, Сергия Чан Фу, выжившего после восстания ихэтуаней, который трудился на миссионерском поприще вместе с женой Еленой. Характеристику его труда дал в своих записках начальник Русской духовной миссии в Коре архимандрит Хрисанф (Щетковский) во время миссионерского путешествия в начале 1904 г.: «В глубине южного Китая, по среднему течению Янсикианга (р. Янцзы. – М. В.), в нескольких деревнях мирно и довольно успешно проповедовал православную веру диакон-китаец Сергей, посланный туда... дабы окончательно приготовить всех желающих, которых оказалось около 400 человек, к принятию святого крещения. Жена диакона, китаянка, усердно помогала мужу, оглашая женщин и занимаясь в школе с девочками» (2012, с. 237). Безусловно, подобные примеры являлись скорее исключением из правила, поскольку состав миссии преимущественно состоял из монашествующих. Однако значимость участия в миссионерском служении женщин, в том числе супруг миссионеров, отмечали и русские дипломаты. В переписке директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел Ивана Алексеевича Зиновьева и чрезвычайного посланника и полномочного министра в Китае Алексея Михайловича Кумани, посвященной предполагаемому созданию Духовной миссии в Коре и возможности сокращения в связи с этим финансирования миссии в Китае, А. М. Кумани, исходя из личного опыта нахождения в Китае и наблюдения за деятельностью духовной миссии, отмечал: «По многим соображениям мне кажется, что при местных условиях женатые священники здесь пригоднее безбрачных: кроме всего другого, первые представляли бы то преимущество, что их жены могли бы учить девочек не только молитвам и грамоте, но и женским рукоделиям, а также, что было бы еще полезно в дешевой тяжелой среде, человеческому уходу за детьми и за больными; в этом последнем отношении они могли бы сами подавать добрый пример сострадания, в случаях здесь особенно трудных недугов между соотечественниками» (АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 37, л. 19-20).

Хотя в записках сотрудников Русской духовной миссии в Китае не встречается размышлений о требованиях к кандидатурам и функционалу диаконисс, но можно предположить, что это служение всегда подспудно фигурировало как «модель поведения», что косвенно подтверждается опубликованной в «Известиях Братства Православной Церкви в Китае» статьей «Диакониссы в канонической Церкви». Эта публикация являлась реакцией на размещенную в «Московских ведомостях» в 1905 г. статью «Забывшая сила Церкви», в которой «автор выдвигает на вид полезность института диаконисс и приводит справки из апостольских и соборных правил, по которым это церковное установление не отменено, а лишь постепенно оставлено по чисто внешним обстоятельствам» (Диакониссы в канонической Церкви, 1905, с. 6). В «Известиях» приводился обзор указанной статьи, причем особое внимание обращалось на функционал диаконисс в Древней Церкви: подготовка женщин к принятию крещения и при совершении таинства; наблюдение за поведением женщин при совершении богослужений; участие в беседах с женщинами; забота о церковной утвари; благотворительная деятельность в отношении нуждавшихся женщин (Диакониссы в канонической Церкви, 1905, с. 6). Помимо предлагаемого автором статьи в «Московских ведомостях» «своевременного практического восстановления института диаконисс с поручением им дел благотворительности церковной и управления общинами сестер милосердия» (Диакониссы в канонической Церкви, 1905, с. 7), в статье «Диакониссы в канонической Церкви» указывалось на необходимость и возможность восстановления служения диаконисс в миссиях, в частности в Китайской Церкви, что обосновывалось схожестью как условий служения женщин в Древней Церкви и в современной миссионерской деятельности, так и формами самого служения (Диакониссы в канонической Церкви, 1905, с. 7-8). Автор статьи не приводил конкретных требований к кандидатурам в диакониссы, помимо общего определения христианских добродетелей, однако предполагал, что кандидатки могли быть: «1. Из вдов и сирот православного духовенства. 2. Из вдов и сирот военного сословия, лишившихся своих мужей и отцов на войне в сражениях с неприятелем. 3. Из лиц, уже посвятивших себя Богу в иноческой жизни, т. е. монахинь и сестер милосердия» (Диакониссы в канонической Церкви, 1905, с. 8). Статья завершалась выражением поддержки идеи восстановления чина диаконисс на предстоящем Поместном Соборе как необходимой для миссионерской деятельности (Диакониссы в канонической Церкви, 1905, с. 8) и, таким образом, отражала существовавшую в Русской духовной миссии в Китае тенденцию к осмыслению возможных форм миссионерской деятельности женщин.

Заключение

В Русской духовной миссии в Китае прослеживается связанная с менталитетом стран Востока специфика проповеди среди женщин; выделяются особенности их участия в церковной жизни. В источниках отражены затруднения китаянок при совершении таинств крещения и миропомазания, во время их пребывания на богослужениях и даже в самом факте приезда на территорию миссии, а также недостаточная, в восприятии

миссионеров, степень результативности проповеди среди женской части населения. Основным препятствием являлись обособленное положение женщин и существовавший в культуре общения негласный запрет на контакты с мужчинами – не членами семьи. Хотя с середины XIX в. ко второму десятилетию XX в. в китайском обществе и происходили социальные изменения, устойчивые модели поведения среди женщин сохранялись, что прослеживается по запискам миссионеров, которые высказывали мнения о необходимости разной степени участия женщин в деле катехизации. Примеры такого рода встречаются в источниках периодов управления миссией архим. Гурия (Карпова) и еп. Иннокентия (Фигуровского), что опосредованно свидетельствует об активизации проповеди среди женщин в это время. Кроме того, в источниках встречается термин «диаконалиссы» в связи с размышлениями современников о возможном восстановлении этого чина как формы миссионерского служения. Таким образом, опыт Русской духовной миссии в Пекине второй половины XIX – начала XX в. является примером имевшейся в миссиях Русской Православной Церкви потребности в непосредственном участии женщин в деле проповеди.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать как дальнейшее изучение специфики миссионерской деятельности среди женщин в практике Русской православной церкви, так и форм реализации женского служения в Русской духовной миссии в Китае и других духовных миссиях.

Источники | References

1. Анастасий (Яннулатор), архиеп. Даже до края земли. Исследования по истории миссии. М.: Познание, 2018.
2. Афонина Л. А. Восстание ихэтуаней и православные мученики в Китае / отв. ред. А. В. Виноградов. М.: Наука, 2021.
3. Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни / Круглый стол по религиозному образованию и диаконии. М.: Духовная библиотека, 2004.
4. Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии. Церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011.
5. Владимиров М. А. Представления архиепископа Николая (Касаткина) о служении диаконалисс в Русской духовной миссии в Японии // Женское наследие в культурах народов России и мира: материалы XVII Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук: в 2 т. (г. Махачкала, 26–29 сентября 2024 г.). М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, 2024а. Т. 1.
6. Владимиров М. А. Проблема перехода иноверцев Российской империи в православие во второй половине XIX века по публицистическим источникам на примере М. К. Кабановой и Е. В. Мелковой // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской православной церкви. 2024b. Вып. 118.
7. Владимиров М. А. Служение диаконалисс в Русской Духовной Миссии в Японии во второй половине XIX – начале XX века // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков: сборник трудов XX Международной научной конференции (г. Иваново, 31 марта – 1 апреля 2021 г.). Иваново: Ивановский государственный университет, 2021.
8. Дацышен В. Г. История Российской духовной миссии в Китае. Гонконг: Православное братство святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, 2010.
9. Дацышен В. Г. Русские миссионеры в Китае в конце XIX – начале XX в. (о. Иннокентий и начало работы 18-й Духовной миссии в Пекине) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв.: историко-археологические исследования / отв. ред. А. Р. Артемьев, Н. Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2007а. Т. 5. Ч. 2.
10. Дацышен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007b.
11. Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства русской православной церкви. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2007.
12. Ипатова А. С. Российская духовная миссия в Китае: век двадцатый // История Российской духовной миссии в Китае: сборник статей / под ред. свящ. Д. Поздняева. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1997.
13. Кравецкий А. Г. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом) / науч. ред. прот. Н. Балашов. М.: Духовная библиотека, 2012.
14. Курбатов О. А. Иннокентий (Фигуровский) и вопрос взаимоотношений китайских властей с Русской Православной духовной миссией в конце XIX – начале XX в. // Клио. 2009. № 2 (45).
15. Курлыкин А., свящ. Китайская духовная миссия Русской Православной Церкви под руководством епископа Иннокентия (Фигуровского) // Труды Воронежской духовной семинарии. 2015 год. Воронеж, 2016. Вып. 7.
16. Кучерский В. А. Деятельность Российской Духовной Миссии в Китае в сфере образования // Время науки – The Times of Science. 2014. № 2.
17. Литвин А. Ю. История развития Православной миссии в провинции Хэнань // Богословский вестник. 2023. № 4 (51).
18. Логинова В. Е. Российская духовная миссия в Китае во второй половине XIX века // Вестник Свято-Филаретовского института. 2016. № 19.

19. Нестерова Е. И. Албазинцы и Русская духовная миссия в Пекине: страницы истории // Христианство на Дальнем Востоке: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Владивосток, 2000. Ч. 1.
20. Поздняев Д., свящ. Православие в Китае (1900-1997). М.: Изд. Свято-Владимирского Братства, 1998.
21. Постернак А. В., свящ. Благотворительное служение женщин в представлении архимандрита Макария (Глухарева) // История. 2021. Т. 12. Вып. 2 (100).
22. Самойлов Н. А. Пекинская Духовная Миссия во второй половине XIX в. // Православие на Дальнем Востоке / отв. ред. М. Н. Боголюбов, архим. А. Никитин. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. Вып. I. 275-летие Российской духовной миссии в Китае.
23. Феклова Т. Ю. Деятельность Русской духовной миссии в Пекине в первой половине XIX в. по сбору информации политического и экономического характера // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Философия и конфликтология. 2016. № 1.
24. Хохлов А. Н. Миссионерская деятельность Гурия Карпова до и после преобразования Пекинской духовной миссии в 60-е годы XIX в. Карповым // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 2.

Информация об авторах | Author information

Владимирова Мария Александровна¹

¹ Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва

Maria Alexandrovna Vladimirova¹

¹ St. Tikhon's Orthodox University of the Humanities, Moscow

¹ vladimirova_buzz@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 30.04.2025; опубликовано online (published online): 27.05.2025.

Ключевые слова (keywords): Русская православная церковь; миссионерская деятельность; Русская духовная миссия в Пекине; женское служение в Церкви; диакониссы; Russian Orthodox Church; missionary work; Russian Ecclesiastical Mission in Beijing; women's ministry in the Church; deaconesses.